

Персона

Когда бумага крепче стали...

Сегодня Станислав Рухмалёв принимает поздравления с семидесятилетием

© Евгений Рухмалёв

Писать материалы о людях незнакомых мне легко – за это и люблю свою работу. А вот о близких – невыносимое мучение: слова кажутся либо вычурными, либо пафосными, либо слишком уж ироничными. Вот и о сегодняшнем юбиляре писать трудно – ведь это для друзей он почти легенда, поднявший журналистику Магнитогорска на новый уровень.

Благодаря ему вы, собственно, и читаете эту статью – когда-то именно он сделал из комбинатской многотиражки солидную городскую газету, самое тиражное подписное издание в стране. Словом, для всех он – создатель и первый главный редактор общегородской газеты «Магнитогорский металл» Станислав Александрович Рухмалёв. А для меня – второй отец, свёкор и любимый дед Слав моего сына. Поэтому не обессудьте, если материал этот получится слишком уж личным.

Свою первую статью в «Магнитогорском металле» я написала в 2001-м, только придя работать в радиоредакцию управления ММК вместо девочки, уехавшей замуж за границу – собственно, о ней и была статья. Сдала материал, занялась рабочими делами. В кабинет вошёл Станислав Александрович с распечаткой в руках – я внутренне сжалась: если главный редактор и заместитель начальника управления информации ММК в одном лице сам заходит к тебе поговорить, добра не жди. «Умница! Прочитал – будто свежего воздуха глотнул», – похлопал меня по плечу, вышел.

Помню, остолбенела: а что – так бывает? У Рухмалёва только так и было: сам статьи писал, материалы журналистов вычитывал, газету верстал, беседы проводил, встречался с посетителями – а их в газету приходили десятки за день. И никого не обидит, каждому и доброе слово найдёт, и деньгами при надобности поможет. Ой, а сколько не вернули долгов – это отдельная история. Но в людях он не разочаровывался – снова наступал на грабли собственной доброты.

Сегодня уже мало кто помнит, что при активной поддержке Станислава Александровича Рухмалёва, имеющего особую любовь к книгам и писателям, в Магнитогорске появился литературный конкурс имени Константина Нефедьева. Начинающие и мастеровитые писатели, встречи и обсуждения, выездные сессии... На одной из них разгорячённая богема рассорилась: началась потасовка, Рухмалёв попытался было утихомирить мастеров пера, но – под горячую руку досталось и ему. «Ну, что делать – творческие люди, пар выпустили!» – рассматривал он потом, посмеиваясь, перед зеркалом подрехтованный зуб. Думаете, он оставил конкурс Нефедьева или обиделся на писателей? Ничуть не бывало: и публиковал их в газете, и помогал им издавать книги, и поддерживал литературное объединение «Магнит», долгое время собиравшееся потом на свои заседания в конференц-зале «Магнитогорского металла».

Станислав Александрович – тот самый случай, когда мечта становится реальностью. Он с детства знал, что будет журналистом, дебютировав в «Магнитогорском ра-

бочем» аж в седьмом классе школы с заметкой «Коммунисты, вперёд!» Статья была небольшой, но первую славу принесла: учительница торжественно прочла её перед всем классом и одобрительно покачала головой: «Станислав, у тебя большое будущее». Оттачивал остроту пера в школе юных корреспондентов, а также читая книги. В семье их не было – книги в то время были удовольствием дорогим и, если помните, очень дефицитным. Зато брат матери Виктор собрал целую библиотеку – к нему домой и бегал читать. По абонементу дяди Вити и библиотеку металлургов посещал. И, глядя на ровнёнькие полки с тысячами книг, мечтал: когда-нибудь у него в доме будет так же. Через десятилетия мечта сбылась – но кто бы знал, как её плоды будут мешать семье, которой в доме места почти нет – всё заняли книги. Но об этом чуть позже.

После школы Станислав Александрович устроился работать на городское радио, но, получив первую зарплату, понял: на журналистские доходы особо не разгуляешься, а в семье, кроме него, ещё две сестры – родителям помогать надо. И он пошёл на производство – работал в котельноремонтном цехе. С высшим образованием поначалу не сложилось: начитанный и умный парень, он с лёгкостью поступил в Магнитогорский педагогический институт, но в самом начале первого учебного года понял: не тому ему надо учиться, книги читать он и сам умеет. На заявление Рухмалёва отчислить его по собственному желанию педагоги отреагировали широко раскрытыми глазами и долго уговаривали его опомниться. Но Рухмалёв уже всё для себя решил – и пошёл в армию. Служил на Дальнем Востоке в артиллерийских частях. Сыновья говорят, об армейских буднях особо не рассказывал – разве что вспоминал неповторимые красоты тамошней природы.

Вернувшись в Магнитку, устроился в «Магнитогорский металл». Понимал ли судьбноносность того шага, думаю, вряд ли. Хотя судьбу «ММ» поменял определённо.

Молодого «дембелька» старшие товарищи обожали – пестовали, подкармливали, изгоняя армейскую худобу, и мечтали его женить – отдать, так сказать, в надёжные руки

Владимир Каганис – старейший ветеран «Магнитогорского металла» – однажды дал Станиславу телефон «одной хорошей девочки». А Станислав, уже успевший к тому времени пережить большую и несчастную любовь, только-только нашёл новую музу. Красивая, она заходила в трамвай, в котором он ехал на работу, и читала «Финансиста» Теодора Драйзера, не обращая ни на кого внимания. А он любовался ею и не осмеливался подойти – ну как прервать чтение «Финансиста»? Потому на предложение Каганиса, подумав, согласился – и позвонил. Сначала просто разговаривали по телефону, потом договорились встретиться. Только не смейтесь: на свидание пришла... та самая красавица из трамвая. Через год поженились, вместе с Альбиной Александровной они уже сорок восемь лет.

В 1973-м, когда старшему сыну

– моему мужу Евгению Рухмалёву – исполнилось восемь месяцев, на весь Союз прогремел призыв ехать на очередную комсомольскую стройку – в узбекский город Навои. Рухмалёвы решились. Там-то всё и завертелось: из рядового журналиста Станислав Александрович вырос в главного редактора республиканской газеты «Знамя дружбы», собора всесоюзного информационного агентства ТАСС, стал большим человеком, с которым считалась вся республика. В Узбекистане получил и высшее образование – окончил Ташкентский государственный университет. В семье тоже всё было хорошо: в Навои родился второй сын Дмитрий, жена нашла любимую работу, Рухмалёвы перевезли к себе тещу с сестрой Альбины Александровны.

Но случился развал Советского Союза – сын Евгений учился тогда на втором курсе Навоийского филиала ТашГУ. Русских гнали, обучение перешло на узбекский язык – и Жёня написал письмо во все российские вузы: так, мол, и так, прошу разрешить продолжить обучение на родине. Это судьба – согласием ответила только Магнитка, и в пединститут, ректором которого тогда был Валентин Романов, он и приехал. Жилось трудно: стипендия – сами знаете, какая, денежные переводы между бывшими республиками СССР прекращены, так что родители помочь не могли. Подрабатывал – вёл кружок фотоаппаратов и всё равно голодал. По своим тосковал очень, как-то на каникулах удалось купить билет на поезд в Навои: в вагонах людей, как в трамвае в час пик, по очереди сидели, спали стоя. Приехал, во дворе сел на скамейку и, не решаясь зайти, целый час со слезами глядел в горевшее окно родной кухни, где сутилась мама, батя – дети называют Станислава Александровича именно так... Через год в Магнитку вернулись и они. Спрашиваю мужа: «А если бы на твой запрос ответила Москва – они поехали бы за тобой в столицу?» Отвечает, чуть подумав: «Наверное, всё-таки вернулись бы в Магнитку – батя уж больно сюда рвался».

В Магнитогорске карьера тоже состоялась довольно быстро. Талант и работоспособность Рухмалёва заметили, росла карьера, получил квартиру. Обещали двухкомнатную – и Жёня рассказывает, как, открыв дверь и увидев, что комнаты три, Станислав Александрович звонил начальнику тогда ещё отдела информации ММК Верникову: «Евгений Наумыч, ты квартиру перепутал!» – «Всё нормально, заселяйся, Стас!» – засмеялся тот в ответ.

Это немудрено: на работе Рухмалёв выкладывался полностью, обеспечивая информационную поддержку комбинату в самые трудные для предприятия времена – в середине и конце девяностых

И даже потом, когда наступил политический и промышленный покой, буквально жил в управлении: в шесть утра уже на работе, в девять вечера – ещё в кабинете.

Все мы, родные, боялись его выхода на пенсию: привыкнув гореть на работе, опасались, что не сможет совладать с высвободившимся временем. Но он и тут продемонстриро-

вал мужской характер: ушёл – как отрезал. За четыре года не вышло ни одной его статьи, не последовало ни одного звонка с советами, как надо или не надо делать газету. А вот с днём рождения до сих пор поздравляет каждого в коллективе – он помнит все даты.

Куда деваает свободное время, спросите? У него есть дача в башкирском посёлке Миндяк – это вечный строительный и хозяйственный экзаме́н Станислава Александровича. Там он всё делает сам – изредка нанимаемые рабочие из трудолюбивых муравьёв сразу превращаются в сибаритов, которые у Рухмалёва не работают, а отдыхают – и семья понимает, почему: он пытается им угодить – вкусно готовит, мягко стелет, преподносит рюмочку. В итоге расстаётся – и снова делает всё сам. И давно бы доделал, кабы не книги, имя которым – легион. В каждом книжном магазине, на каждой библиоармарке Рухмалёва знают и оставляют ему многочисленные фолианты. Их он бережно отвозит в Миндяк и заполняет всё вокруг. Нет, раз в год честно делает в доме генеральную уборку – разберёт одну комнату, расставит всё по местам, перенесёт остатки в другую комнату. Потом займётся ею – перенесёт в третью, и так по кругу. А книги всё появляются и появляются. Для них на участке строится новый дом, обору́дуются комнаты...

Миндяк – это одушина нашего отца, в нём он действует эмоционально, а не рационально. Вот проснулись утром, глядь – во дворе вырос небольшой домик. «Да дровник построил. А что, хорошее место, где дрова запастись», – хвалится работой Станислав Александрович. Ну, хорошо: умылись, позавтракали, съездили на часок в лес или на озеро, возвращаемся – нет дровника! «Да чего-то подумал: не место ему тут». Его фразы – а у Рухмалёва-старшего очень тонкое чувство юмора – расходятся среди близких: «Бать, а где мой пиджак?» – «А где ты из него вылупился?» Или – если Евгений проведёт генеральную уборку в доме и не поспует туда отца с его вечными книгами: «Ты смотри, устроил тут заповедники!» Или на замечание жены: «Слава, а ты чего эту рубашку надел – она же грязная?» – «Почему грязная? Я её погладил!»

А ещё свободное время он наконец начал тратить на путешествия – то, за что боролась всю жизнь его семья, пока любому отдыху он предпочитал работу, накапливая неизрасходованный отпуск за пять и более лет. Мы, заядлые путешественники, приучили его ездить с нами, и жена нарадоваться не может: он даже составляет рейтинги понравившихся стран. Тайланд, Вьетнам и Индия – не очень, грязно. До недавнего времени нравилась Турция, но теперь на первое место, кажется, выходит Европа – только что вернулись с Альбиной Александровной из Чехии.

Он может не моргнув глазом потратить несколько тысяч на книгу – и при этом складировать баночки-скляночки: вдруг понадобится – и покупать не надо. Он категорически отказался напоминать редакции о его дне рождения – не хочет досаждать своим юбилеем. Но я точно знаю, что ему будет приятно читать эти строки.

Коллектив «Магнитогорского металла» от всей души поздравляет своего бату с 70-летием! Будьте здоровы, живите долго и, знаете что – пишите! Об истории становления нового комбината, который творили в том числе и вы, о новом увлечении – путешествиях... Вы ведь соскучились по перу, я точно знаю. А мы соскучились по вашим статьям.

Рита Давлетшина